

ИЗДАНИЕ

ОБЩАЯ
ПЕДАГОГИКА

..."Что за чепуха?! – возмутится читатель. – Какой-то Галт, Атлант... Да и Рэнд эта – откуда взялась?" Когда три года назад я впервые услышал это имя, то подумал точно так же. Тем более что услышал его в невероятном контексте: Библиотека Конгресса США провела обширный социологический опрос, пытаясь определить, какая книга оказывает самое глубокое влияние на американцев. Первое место, разумеется, заняла Библия, а вот второе... «Атлант расправил плечи»! Глазам своим не поверил. Что же это делается?! Вроде бы дипломированный филолог, да чего уж там – кандидат наук, и специализация подходящая – современная романная поэтика, а ни о какой Айн Рэнд за сорок лет жизни слыхом не слыхивал. Что за наваждение?...

Who is John Galt? Сергей Голубицкий. Опубликовано в журнале «Бизнес-журнал» №16 от 17 августа 2004 года.

Атлант расправил плечи.

Книга 3

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

А ЕСТЬ А

Глава 1.

Атлантида

Открыв глаза, она увидела солнечный свет, листву и лицо мужчины. Она почувствовала, что все это ей знакомо. Это мир, каким он представлялся ей в шестнадцать лет. И вот теперь все исполнилось, и все казалось так просто, так естественно, так соответствовало ее ожиданиям. Весь мир словно говорил ей: иначе и нельзя.

Она посмотрела в лицо склонившегося над ней мужчины и ясно ощутила, что из всех виденных ею лиц это было самым дорогим, тем, за что можно отдать жизнь, – лицо, в котором не было ни тени страдания, страха или чувства вины. Линия его рта выражала гордость, более того, он словно гордился собственной гордостью. Чеканные линии щек наводили на мысль о высокомерии, насмешке, презрении, хотя в самом лице не было и намека на эти качества, оно выглядело спокойно-решительным и, несомненно, безжалостно-невинным, не позволяющим ни просить прощения, ни дарить его; это лицо ничего не скрывало и ни от чего не скрывалось, глаза смотрели без страха и ничего не таили. Она сразу же почувствовала в нем поразительную наблюдательность. Его глаза вбирали все, ничто не ускользало от них; зрение служило ему могущественным каналом ощущений, через него он бесстрашно и радостно вторгался в мир, навстречу приключениям; и он бесспорно ценил этот канал превыше всего. Его видение повышало ценность и его самого, и окружающего его мира; его – потому что он был наделен таким изумительным даром, мира – потому что мир оказался достоин столь радостного лицезрения. На миг ей показалось, что перед ней существо нематериальное, чистое сознание, – но при этом она никогда еще не ощущала так явственно присутствие мужчины. Казалось, легкая ткань рубашки не скрывала, а подчеркивала его статную фигуру, загорелую кожу, силу и твердость напряженного тела, литую упругость мышц – да, он казался отлитым из металла, металла с мягко-приглушенным блеском, вроде сплава меди и алюминия. Цвет его кожи сливался с цветом волос, с вызолоченными солнцем упрямыми прядями, падавшими на лоб; гармонию цвета дополняли глаза, единственная деталь отливки, которая сохранила весь свой блеск, растворив его в глубоком сиянии и добавив к нему оттенки темно-зеленого.

Он смотрел на нее сверху, и в его взгляде теплилась легкая улыбка, словно он не открывал нечто новое, а созерцал родное и знакомое, то, чего давно ждал и в чем никогда не сомневался.

Вот мой мир, думала она, такими должны быть мужчины, вот их истинный образ, а все прочее, годы мучительной борьбы – лишь чья-то дурная шутка. Она улыбнулась ему, как улыбаются посвященному в тайну, с облегчением и радостью, отметая раз и навсегда множество вещей, с которыми отныне могла не считаться. Он улыбнулся в ответ такой же улыбкой, будто испытывал то же, что испытывала она, будто знал, о чем она думала.

– Ни к чему принимать это все всерьез, правда? – прошептала она.

– Ни к чему, – отвечал он.

Но тут, окончательно придя в себя, она осознала, что этот человек ей вовсе незнаком.

Она сделала попытку отодвинуться, но лишь слабо повела лежавшей на траве головой. Она попробовала встать, но резкая боль пронзила ей спину и приковала к земле.

– Не двигайтесь, мисс Таггарт. Вы ранены.

– Вы меня знаете? – Ее голос прозвучал резко и отстраненно.

– Я знаю вас много лет.

– И я вас тоже знаю?

– Да, наверное.

– Как вас зовут?

– Джон Галт.

Она смотрела на него не шевелясь.

– Почему вы боитесь? – спросил он.

– Потому что я этому верю.

Он улыбнулся, словно осознав ту значимость, которую она придавала его имени; так улыбаются соперник, принимая вызов, – и взрослый, с легкой иронией воспринимая заблудившегося ребенка.

К ней, похоже, возвращались силы и сознание после катастрофы, в которой разбился не только самолет. Ей пока не удавалось сложить разрозненную мозаику воспоминаний, она еще не могла вспомнить все, что связано с этим именем; она только осознавала, что оно означало черную пустоту, которую ей предстояло заполнить. Сейчас она еще не могла этого сделать, присутствие этого человека слепило ее – так луч света в темноте мешает разглядеть очертания теней за ним.

– Значит, это вас я преследовала? – спросила она.

– Да.

Дэгни медленно огляделась. Она лежала в траве на лугу У подножья нескончаемого гранитного склона, который тянулся ввысь, в самое небо, на тысячи футов. На другом конце луга виднелись выступы скал, сосны и березы с блестящей на солнце листвой; в отдалении ландшафт замыкался полукругом высоких гор. Ее самолет был цел, он замер тут же, чуть поодаль, распластавшись на брюхе. Больше ничего не было видно: ни другого самолета, ни каких-либо строений – никаких признаков присутствия человека.

– Что это за долина? – спросила она.

Он улыбнулся:

– Терминал Таггарта.

– Что это значит?

– Вам это предстоит узнать.

У Дэгни появилось смутное побуждение проверить, остались ли у нее в запасе силы. Она могла двигать руками и ногами, могла поднять голову, но при глубоком вдохе появлялась резкая колющая боль; Дэгни заметила тонкую струйку крови, стекающую по чулку.

– Отсюда можно выбраться? – спросила она.

Ответ прозвучал серьезно, но улыбка в темно-зеленых глазах разгорелась ярче:

– В принципе нельзя. На время – можно.

Она попробовала встать. Он наклонился, чтобы поднять ее, но она, собравшись с силами, неожиданным быстрым движением выскользнула из его рук в попытке встать.

– Кажется, я смогу сама... – начала она и рухнула в его объятия, едва ее ноги коснулись земли: лодыжку молнией пронзила боль.

Он поднял ее на руки и с улыбкой сказал:

– Нет, сами вы, мисс Таггарт, не справитесь. – Он двинулся с ней через поляну.

Обхватив его шею, положив голову ему на плечо, она тихо лежала на его руках и думала: пусть ненадолго, пока это длится, но как приятно полностью отдать себя в его власть, забыть обо всем, довериться и чувствовать только одно... Когда я уже испытывала такое чувство? – спросила она себя. Был когда-то момент, когда она спрашивала себя об этом, как сейчас, но не могла вспомнить когда. Было, было у нее однажды похожее ощущение надежности, достигнутой цели, разрешения всех сомнений. Новым было ощущение, что тебя оберегают, защищают и ты вправе принять эту помощь – вправе, потому что странное чувство защищенности ограждало не от будущего, а от прошлого; она не выходила из боя, а праздновала победу, в ней оберегали не

слабость, а силу... Чувствуя силу поддерживающих рук, плотно охвативших ее тело, видя перед своим лицом пряди золотисто-медных волос, видя всего в нескольких дюймах от себя тени ресниц на его веках, она пыталась разобраться в своих мыслях. От чего оберегают? Кто оберегает? Он же враг... Враг ли? И почему? Она не могла ответить, не могла больше думать об этом. Ей потребовалось усилие, чтобы вспомнить, что несколько часов назад у нее были цель и задача. Она заставила себя сосредоточиться.

– Вы знали, что я вас преследую? – спросила она.

– Нет.

– Где ваш самолет?

– На летном поле.

– А где летное поле?

– На другом конце долины.

– Сверху я не заметила в этой долине никакого летного поля. И места для него нет. Как же можно приземлиться здесь?

Он взглянул вверх:

– Посмотрите внимательней. Там, вверху, вы что-нибудь видите?

Она откинула голову назад, пристально глядя в небо, и не увидела ничего, кроме безмятежной утренней сини. Но через некоторое время она различила несколько слабых полос в колеблющемся воздухе.

– Слои нагретого воздуха, – сказала она.

– Преломление света, – ответил он. – Вместо дна долины вы увидели вершину горы высотой в восемь тысяч футов, расположенной в пяти милях отсюда.

– Что?..

– Вершина горы, которую ни один летчик не выбрал бы для посадки. Вы видели ее отражение, спроецированное на долину.

– Но как?

– Так же, как возникает мираж в пустыне, – проекция за счет преломления света в слоях нагретого воздуха.

– То есть?

– С помощью локатора создается экран, способный оградить от всего и всех... кроме вашей храбрости.

– Что вы имеете в виду?

– Я и мысли не допускал, что кто-нибудь попытается опустить самолет до семисот футов над землей. Вы пробили лучевой экран. А некоторые из этих лучей глушат моторы.

– Так что вы второй раз взяли верх надо мной – ведь никто еще не пытался идти по моему следу.

– Зачем вам локатор и экран?

– Потому что это место – частная собственность и должно остаться таковой.

– Что это за место?

– Я вам все покажу, раз уж вы оказались здесь, мисс Таггарт. И после этого отвечу на все ваши вопросы.

Она промолчала, заметив, что спрашивает обо всем, только не о нем самом. Он казался неким единым целым, понятным ей с первого взгляда, неким абсолютом, не разложимым на составные части, аксиомой, не требующей объяснений. Она интуитивно поняла его сразу и целиком, и теперь оставалось подтвердить свое знание опытом.

Он нес ее по узенькой тропинке, которая, извиваясь, вела вниз. Вокруг на склонах гор неподвижно и строго, словно скульптурные формы, от которых отсечено все лишнее, высились

громадные сосны. С соснами – воплощением мужественности – резко контрастировали трепетавшие листвою, пронизанные солнцем женственные силуэты берез. Солнечные лучи свободно лились сквозь кисею березовых ветвей, падали на лица, подсвечивая волосы Галта. Дэгни не видела, что находится вдали, на дне долины, за поворотами петлявшей по склону тропинки.

Ее все время тянуло взглянуть ему в лицо. Время от времени он тоже опускал взгляд на нее. Сначала она отворачивалась, будто застигнутая врасплох. Затем, словно следуя его примеру, выдерживала его взгляд всякий раз, когда он смотрел на нее, понимая, что ему ясны ее чувства и что он не скрывает от нее значение своего взгляда.

Она ощущала в его молчании то же признание, что в ее собственном. Он держал ее на руках не безразлично, как мужчина, несущий раненую женщину. Это было объятие, хотя, казалось, ничто в его поведении не выдавало этого. Но она безошибочно угадывала, что он всем телом ощущает ее тело в своих объятиях.

Она услышала шум водопада прежде, чем увидела быстрые, прерывистые струи, которые, сверкая, низвергались с крутого склона. Их звук пробился в ее сознание сквозь смутный ритм, слабые каденции, доносящиеся откуда-то извне. Почему-то этот ритм был ей знаком, но откуда – она не могла вспомнить. Они пошли дальше, но остались и шум воды, и этот неясный ритм, он, казалось, зазвучал громче, яснее, рос, перекрывая гул водопада, и источник его находился не в ее сознании, а где-то под покровом листвы. Тропинка свернула, и внезапно внизу, на склоне горы, открылась терраса с маленьким домиком посередине. На солнце сверкала створка раскрытого окна. Память тотчас вернула Дэгни момент из прошлого, когда ей так же хотелось раствориться в потоке объявшего ее времени, – ночь в пыльном вагоне «Кометы», и звучит тема из Пятого концерта Хэйли, который она открыла для себя тогда. И вот она уже слышит его – та же тема звучит на рояле, те же ясные, резкие аккорды, взятые уверенной, твердой рукой.

Вопрос вырвался сам собой, будто ей хотелось захватить Галта врасплох:

– Это ведь Пятый концерт Ричарда Хэйли?

– Да.

– Когда он написан?

– Почему бы вам не спросить самого автора?

– Он здесь?

– Играет он сам. Это его дом.

– О!..

– Позже вы встретитесь с ним. Он будет рад познакомиться с вами. Он знает, что по вечерам, в одиночестве, вы любите слушать только его записи.

– Откуда это ему известно?

– Он узнал это от меня.

Во взгляде, который она бросила на него, читался вопрос, начинавшийся словами: «А вы-то сами, черт возьми...» Но она увидела его глаза, прочитала все в них и рассмеялась, и этот смех озвучил и объяснил значение его взгляда.

Не надо ни о чем спрашивать, подумала она, не надо ни в чем сомневаться, не время для вопросов, пока торжественно звучит эта музыка, пока сквозь залитую солнцем листву льется мелодия избавления, освобождения, исполняемая точно в соответствии с замыслом. Еще там, в раскачивавшемся вагоне, ее сердце жаждало расслышать эти звуки в неровном перестуке колес, еще тогда ее душа разглядела в этих звуках эту долину, уже той же ночью перед ней встало солнце нынешнего утра...

У Дэгни перехватило дыхание: тропа завернула, и с высоты террасы она увидела город в долине.

Впрочем, это был не город, а просто россыпь домов, небольших современных строений простой, угловатой формы, сверкавших глазницами больших окон. В отдалении виднелись более крупные сооружения, и по бледным клубам дыма над ними можно было предположить, что это промышленная зона. А прямо перед Дэгни на стройной гранитной колонне, начинавшейся где-то внизу, слепя ее и затмевая своим блеском все остальное, стоял знак доллара высотой в три фута, сделанный из чистого золота. Он парил над городом, как герб, фирменный знак, как маяк, и, подобно отражателю, ловил лучи солнца, рассеивая их в воздухе над крышами, как небесную благодать.

– Что это? – вырвалось у нее.

– А, это шутка Франциско.

– Какого Франциско? – прошептала она, уже зная ответ.

– Франциско Д'Анкония.

– Он тоже здесь?

– Должен вскоре появиться.

– Что вы имеете в виду, говоря о шутке?

– Он подарил эту эмблему владельцу здешних мест в день юбилея. А затем и все мы ее признали. Нам понравилась идея.

– Разве не вы владелец здешних мест?

– Я? Нет. – Он посмотрел вниз и добавил, указывая жестом: – А вон и сам владелец.

Внизу, в конце грунтовой дороги, остановился автомобиль, и двое мужчин бросились вверх по тропинке. Дэгни не могла разглядеть их лиц, один был строен и высок, другой ниже ростом и плотнее. Они скрылись за поворотом, а Галт продолжал спускаться со своей ношей им навстречу.

Дэгни увидела их, когда они внезапно показались из-за скалы на расстоянии в несколько футов. Их вид подействовал на нее как грубый толчок.

Плотный мужчина, который был незнаком ей, воскликнул:

– Разрази меня гром! – и замер на месте, уставившись на них.

Она же не отрывала взгляда от его высокого, изящного спутника. Им оказался Хью Экстон.

Первым, склонившись перед ней в изысканном поклоне, заговорил Хью Экстон:

– Мисс Таггарт, впервые я оказался не прав. Представить себе не мог, когда говорил, что вам ни за что не отыскать его, что при следующей нашей встрече увижу вас в его объятиях.

– В чьих объятиях?

– В объятиях изобретателя двигателя.

У нее перехватило дыхание, она закрыла глаза: эту-то связь она и должна была установить. Открыв глаза, она устремила взгляд на Галта. Он тонко, иронично улыбался, будто вполне отдавая себе отчет в том, что это должно для нее значить.

– Поделом бы вам было, если бы вы сломали себе шею, – не стесняясь, объявил ей плотный мужчина, но гнев его был продиктован скорее заботой и расположением. – На кой вам сдался этот трюк, когда вас с радостью приняли бы здесь как желанного гостя, с парадного входа?

– Мисс Таггарт, позвольте представить вам Мидаса Маллигана, – сказал Галт.

– Ах, – только и произнесла она слабым голосом и засмеялась – у нее уже не было сил удивляться. – Вам не кажется, что я погибла при катастрофе, а это все происходит в каком-то потустороннем, ином мире?

– Это и есть потусторонний мир, – ответил Галт. – А что касается гибели, то скорее все обстоит наоборот.

– Ну конечно, – прошептала Дэгни, – конечно... – Она улыбнулась Маллигану: – Где же парадный вход?

– Здесь, – ответил он, указывая на свою голову.

– Я потеряла ключ от двери, – просто, без обиды сказала она. – Я только что потеряла все ключи.

– Ничего, отыщете. Но разрази меня гром, на кой черт вам понадобилось лететь на самолете?

– Я преследовала.

– Его? – Он показал на Галта.

– Да.

– Вам повезло, что остались живы. Сильно пострадали?

– Кажется, нет.

– Вам придется ответить на кое-какие вопросы, когда вас подлатают. – Он круто повернулся и направился к машине, потом обернулся к Галту: – Что будем делать? Кое-что мы не предусмотрели – первого штрейкбрехера.

– Первого – кого? – спросила она.

– Выбросьте из головы, – ответил Маллиган и снова обратился к Галту: – Что будем делать?

– Этим займусь я, – сказал Галт. – Это моя забота. Ты возьмешь на себя Квентина Дэниэльса.

– Ну, с ним нет проблем. Ему надо только ознакомиться с местом. Остальное он, кажется, знает.

– Да. Он фактически прошел весь путь самостоятельно. – Галт заметил, что Дэгни изумленно смотрит на него, и сказал: – Я должен вас поблагодарить, мисс Таггарт, вы оказали мне честь, определив стажером ко мне Квентина Дэниэльса. Удачный выбор.

– А где он? – спросила она. – Вы расскажете мне, что случилось?

– Мидас встретил нас на летном поле, отвез меня до мой, а Дэниэльса забрал с собой. Я собирался позавтракать с ними, но увидел, как ваш самолет пикирует на луг. Я оказался ближе других к месту происшествия.

– Мы тут же бросились сюда, – сказал Маллиган. – Я подумал: и поделом ему – тому, кто вел самолет. Я и вообразить не мог, что за штурвалом сидел один из тех двоих во всем мире, кого я пощадил бы в любом случае.

– А кто второй? – поинтересовалась она.

– Хэнк Реардэн.

Она вздрогнула, будто ее неожиданно ударили. Интересно, почему ей показалось, что Галт внимательно следит за ее лицом и что в его лице что-то мгновенно, неуловимо изменилось? Они подошли к автомобилю. Это оказался «хэммонд»– кабриолет. Хотя машина была на ходу уже несколько лет, содержали ее в полном блеске и порядке. Галт осторожно опустил Дэгни на заднее сиденье, продолжая удерживать в кольце своих рук. На время вновь вернулась колющая боль, но Дэгни оставила ее без внимания. Она смотрела на дома вдали. Маллиган включил стартер, машина тронулась. Они проехали мимо знака доллара, и золотой луч, скользнув по лицу Дэгни, сверкнул ей в глаза.

– Кто владелец этих мест? – спросила она.

– Я, – ответил Маллиган.

– А кто он? – Она указала на Галта.

Маллиган развеселился:

– Он просто здесь работает.

– А вы, доктор Экстон? – спросила она. Тот взглянул на Галта:

– Я один из его двух отцов, мисс Таггарт, – тот, кто не предал его.

– Ах вот как! – воскликнула она. Еще одна деталь встала на место. – Ваш третий ученик?

– Именно так.

– Младший помощник бухгалтера! – внезапно простонала она, припоминая.

– Что такое?

– Так назвал его доктор Стадлер. Доктор Стадлер сказал мне, что, как он думает, именно это произошло с третьим учеником.

– Он переоценил меня, – сказал Галт. – По его масштабам и по меркам его мира я никак не дотягиваю до такого уровня.

Машина свернула на тропинку, поднимавшуюся к одиноко стоящему на возвышении дому. Дэгни увидела человека в голубом комбинезоне, с коробкой для завтрака в руках, который деловито шел им навстречу по тропинке, направляясь к городу. Что-то в его резкой поступи показалось ей смутно знакомым. Когда машина проехала мимо него, Дэгни увидела его лицо и импульсивно дернулась назад, закричав во весь голос – и от боли, причиненной движением, и от внезапности встречи:

– Стойте! Стойте же! Не дайте ему уйти! – Она узнала Эллиса Вайета.

Трое мужчин в машине расхохотались, но Маллиган нажал на тормоза.

– Ах да, – слабым голосом произнесла Дэгни, поняв свою оплошность: отсюда Вайету некуда было уйти.

Вайет бежал к ним навстречу, он тоже узнал ее. Он уперся руками в борт машины, и Дэгни открылось его лицо, на котором играла та же юная, торжествующая улыбка, которую ей однажды уже довелось видеть – на платформе узловой станции Вайет.

– Дэгни! И ты тоже? Наконец-то! С нами?

– Нет, – сказал Галт. – Тут другой случай.

– Какой случай?

– Самолет мисс Таггарт разбился. Разве ты не видел?

– Разбился... здесь?

– Да.

– Я слышал самолет, но... – Изумление на его лице сменилось улыбкой, дружелюбно-участливой и довольной. – Ах вот что! Боже мой, Дэгни, ну и дела!

Она беспомощно уставилась на него, не в силах связать прошлое с настоящим. И так же беспомощно произнесла, как говорят во сне покойному другу, когда упущен шанс сказать это ему при жизни, произнесла, помня, как почти два года назад она упорно набирала его номер и не было ответа, помня, что все это время она надеялась сказать ему при первой же встрече:

– Я... я пыталась связаться с тобой. Он мягко улыбнулся:

– Мы тоже все время пытались связаться с тобой, Дэгни... Увидимся сегодня вечером. Не беспокойся, я никуда не денусь, надеюсь, ты тоже не исчезнешь.

Он помахал рукой остальным и продолжил путь, размахивая коробкой. Она подняла глаза и, когда Маллиган тронул машину с места, заметила, что Галт пристально наблюдает за ней. Ее лицо стало жестким, словно она открыто признавала, что страдает, и досадовала, что это может доставить ему удовольствие.

– Ладно, – сказала она, – теперь я представляю, каким спектаклем вы хотите поразить меня. Но в его лице не было ни жестокости, ни жалости, только спокойное сознание правоты.

– Мисс Таггарт, у нас здесь первое правило, что каждый должен сам все увидеть и понять.

Машина остановилась у обособленно стоящего здания. Дом был сооружен из грубо отесанных гранитных глыб, большую часть фасада занимало огромное сплошное окно.

– Я пришлю вам доктора, – сказал Маллиган и уехал, а Галт понес Дэгни к входу.

– Это ваш дом? – спросила она.

– Мой, – ответил он и ударом ноги открыл дверь.

Он перенес ее через порог в сверкающее пространство комнаты, где потоки солнечного света омывали полированную поверхность сосновых стен. Там стояла немногочисленная мебель ручной работы, потолок был из простых балок; арочный проем вел в небольшую кухню с грубыми посудными полками, там стоял непокрытый деревянный стол и, что удивительно, сверкала никелем электрическая плита. Дом отличала первозданная простота хижины первопроходца: только самое необходимое, но с учетом возможностей сверхсовременной технологии.

Он пронес ее через поток света в небольшую комнатку Для гостей и опустил на кровать. Из открытого окна виднелись каменистые ступеньки, спускавшиеся далеко вниз, а навстречу им, вонзаясь в небо, поднимались сосны. Она заметила, что на стенах там и сям виднелись какие-то врезанные в дерево мелкие письмена, сделанные, похоже, разными людьми. Разобрать слова ей не удалось. В комнате имелась и другая дверь, она была полуоткрыта и вела в его спальню.

– Я здесь гостя или узница? – спросила Дэгни.

– Выбор вы сделаете сами, мисс Таггарт.

– Какой может быть выбор, ведь я имею дело с незнакомым человеком.

– Неужели? Разве вы не назвали моим именем свою железнодорожную линию?

– А, это... Да. – Еще одна маленькая деталь пополнила картину. – Да, я... – Она смотрела на стоящего перед ней высокого мужчину с выгоревшими на солнце прядями золотистых волос, он гасил улыбку в своих беспощадно всепонимающих глазах. Ей вспомнилась борьба за открытие линии, ее линии, и летний день, когда был пущен первый поезд. Ей подумалось, что если бы было можно выразить символ этой линии в образе человека, то надо было бы выбрать Галта. – Да, назвала... – И, вспомнив то, что произошло потом, она добавила: – Но я дала ей имя врага.

Он улыбнулся:

– Это противоречие вам рано или поздно пришлось бы разрешить, мисс Таггарт.

– Но ведь именно вы разрушили мою линию?

– О нет. Ее погубило противоречие.

Она на минуту прикрыла глаза, затем спросила:

– Все эти истории, которые я слышала о вас, – что в них правда?

– Все правда.

– Их распространяли вы сами?

– Нет. Зачем? Мне вовсе не хотелось, чтобы обо мне говорили.

– Но вам известно, что вы стали легендой?

– Да.

– Молодой изобретатель из компании «Твентис сенчури мотор» – это правдивая версия легенды?

– В ее конкретном смысле – да.

Произнести это безразличным тоном Дэгни не смогла, горло у нее перехватило, и, невольно перейдя на шепот, она спросила:

– Двигатель, который я нашла, его создали вы?

– Да.

Она не могла скрыть вспыхнувший интерес, глаза ее загорелись.

– Тайна преобразования энергии... – начала она и замолчала.

– Я мог бы изложить ее вам за четверть часа, – сказал он в ответ на ее страстное, хотя и невысказанное желание, – но на земле нет силы, которая заставила бы меня раскрыть этот секрет. Если вам понятно это, вы поймете все, что вас озадачивает, оставляет в недоумении.

– Та ночь... двенадцать лет назад, весной, когда вы покинули сборище шести тысяч убийц, –

тоже правда?

– Да.

– Вы сказали им, что остановите двигатель мира.

– Сказал.

– И что вы сделали?

– Я не сделал ничего, мисс Таггарт. И в этом весь секрет. Она долго молча смотрела на него. Он ждал, словно читая ее мысли.

– Разрушитель... – беспомощно и удивленно произнесла она.

– ...исчадие ада, какого не знал свет, – сказал он, как будто цитируя, и она узнала собственные слова, – человек, который лишает мир разума.

– Как пристально вы следили за мной? – спросила она. – И с какого момента?

В последовавшую секундную паузу его взгляд не шелохнулся, но ей показалось, что он наполнился большим значением, Галт как будто увидел ее по-другому, и в его голосе, когда он спокойно ответил, ей почудилось особое напряжение:

– Много лет.

Она прикрыла глаза, расслабившись и прекращая расспросы. В ней появилось странное, легкомысленное равнодушие, словно ее внезапно оставили все желания, кроме желания отдаться успокаивающему ощущению полной незащитности.

Прибыл врач, седой мужчина с приятно-озабоченным лицом и ненавязчивыми, но твердыми и уверенными манерами.

– Мисс Таггарт, познакомьтесь – доктор Хендрикс, – сказал Галт.

– Уж не доктор ли Томас Хендрикс? – воскликнула она с непроизвольной прямоотой ребенка. Так звали знаменитого хирурга, который лет шесть как отошел от дел и исчез с горизонта.

– Он самый, – ответил Галт.

Доктор Хендрикс ответил на ее восклицание улыбкой:

– Мидас сказал мне, что мисс Таггарт необходимо выводить из шока, не того, который она испытала, а того, который ее ожидает.

– Вот и займитесь этим, а я отправлюсь на рынок купить продуктов к завтраку.

Рассказывая хирургу о симптомах и болях, Дэгни следила за его уверенными быстрыми движениями. Он привез с собой аппарат, которого ей раньше не доводилось видеть, – переносной рентген. Вскоре выяснилось, что у нее сломаны два ребра, растянута лодыжка, содрана кожа на колене и локте, а ко всему этому еще несколько ушибов, которые обнаружили себя лиловыми пятнами. Под умелыми, опытными руками, которые уже бинтовали и накладывали пластыри, она чувствовала себя механизмом, который осматривает компетентный механик, способный полностью восстановить его рабочее состояние.

– Вам надо некоторое время полежать в постели, мисс Таггарт.

– Только не это! Я буду осторожна, буду двигаться медленно, и со мной ничего не случится.

– Вам следовало бы отлежаться.

– Вы думаете, я смогу улежать? Он улыбнулся:

– Вряд ли.

К тому времени, когда вернулся Галт, она уже оделась. Доктор Хендрикс рассказал Галту о состоянии пациентки, добавив в заключение:

– Завтра я зайду еще раз.

– Спасибо, – сказал Галт. – Пришлите мне счет.

– Ни в коем случае, – с негодованием сказала Дэгни. – Я заплачу сама.

Мужчины весело переглянулись, будто услышали это от нищенки.

– Разберемся позднее, – сказал Галт.

Когда доктор Хендрикс ушел, она попробовала встать и двинулась с места, хромая и хватаясь за мебель. Галт подхватил ее на руки, отнес на кухню и устроил на стуле перед накрытым для двоих столом.

Она почувствовала, что проголодалась, и этому способствовал вид стаканов с апельсиновым соком, кофейника, дымившегося на плите, и блестящих под солнцем на накрытом столе тяжелых белых тарелок.

– Когда вы в последний раз спали и ели? – спросил он.

– Не помню... Ужинала в поезде... – Она тряхнула головой, испытывая неловкость в парадоксальной ситуации: тогда она ужинала с бродягой, убежавшим от безликого и неотступного мстителя; а теперь этот мститель сидит напротив, попивает апельсиновый сок и рассматривает ее.

– Как получилось, что вы увязались за мной?

– Я приземлилась в Эфтоне как раз перед тем, как вы взлетели. Мне сказали, что Квентин Дэниэльс отправился с вами.

– Помню, я видел, как самолет заходил на посадку. Но именно тогда я впервые не подумал о вас. Полагал, что вы поехали поездом.

Глядя ему прямо в лицо, она спросила:

– И как я должна это понимать?

– Что именно?

– Что вы впервые не подумали обо мне?

Он выдержал ее взгляд. Она заметила его типичное движение: обычно неподвижную складку горделивого рта тронула легкая усмешка.

– Как вам будет угодно, – ответил он.

Она выдержала паузу, чтобы подчеркнуть важность последовавшего вопроса строгим выражением лица, а затем холодно, враждебно-обвиняющим тоном спросила:

– Вы знали, что мне нужен был Квентин Дэниэльс?

– Да.

– И вы тут же его перехватили, чтобы я до него недобралась? Чтобы обставить меня, понимая, как больно это ударит по мне?

– Конечно.

Она первая отвела взгляд и замолчала. Он поднялся, чтобы продолжить приготовление завтрака. Она смотрела, как он поджаривает хлеб, бекон и яичницу. Движения его были легкими, уверенными и привычными, но точность исходила от другой профессии – это была точность инженера, стоящего у пульта управления. Дэгни внезапно вспомнила, где ей доводилось видеть подобные манипуляции, столь же профессиональные, сколь и не отвечающие ситуации.

– Вы научились этому у доктора Экстона? – спросила она, указывая на плиту.

– Да, среди прочего.

– Он научил вас тратить время, ваше время... – она не смогла сдержать дрожь возмущения в голосе, – на подобные занятия?

– Мне доводилось тратить время и на менее значительные дела.

Когда он поставил перед ней тарелку, она спросила:

– Где вы берете продукты? Тут есть продуктовый магазин?

– Лучший в мире. Магазин Лоуренса Хэммонда.

– Что?

– Магазин Лоуренса Хэммонда, фирма «Хэммонд карс». Бекон с фермы Дуайта Сандерса,

фирма «Сандерс эйркрафт». Яйца и масло поставляет судья Наррагансетт из Верховного суда штата Иллинойс.

Она с досадой уставилась на свою тарелку, будто боясь дотронуться до еды.

– Такого дорогого завтрака мне еще не доводилось есть, если учесть, чего стоит ваше время и время остальных.

– Верно – с одной стороны. Но с другой стороны, это самый дешевый завтрак, потому что не надо платить тем бандитам, которые год за годом заставляют платить им дань и в конце концов многих обрекают на голод.

После долгого молчания она просто, почти мечтательно спросила:

– И что же вы здесь делаете?

– Живем.

Ей никогда не доводилось слышать, чтобы это слово приобретало такой реальный смысл.

– Чем занимаетесь вы сами? – спросила она. – Мидас Маллиган сказал, что вы здесь работаете.

– Здесь я, можно сказать, мастер на все руки.

– Кто-кто?

– Меня зовут на помощь, когда что-либо выходит из строя, энергосистема например.

Дэгни взглянула на него и внезапно подалась вперед, к электроплите, но ее остановила боль, и она откинулась назад, на спинку стула.

Он усмехнулся:

– Вот именно, но не стоит так волноваться, не то доктор Хендрикс уложит вас в постель.

– Энергосистема... – выдавила она из себя. – Здесь есть энергосистема... и она работает от вашего двигателя?

– Да.

– Он создан? Работает? На ходу?

– Благодаря ему приготовлен ваш завтрак.

– Я хочу его видеть!

Не стоит увечить себя, стараясь дотянуться до электроплиты. Обыкновенная плита, ничего особенного, только обходится в сто раз дешевле. И это все, что вам удастся здесь увидеть, мисс Таггарт.

– Вы обещали показать мне долину.

– Я вам ее покажу. Но не генератор.

– Мы отправимся сразу после завтрака?

– Если вы так хотите и если сможете.

– Я могу двигаться.

Он встал, подошел к телефону и набрал номер.

– Алло, Мидас?.. Да... Он сделал? Да, с ней все в порядке... Ты одолжишь мне машину на сегодня?.. Спасибо. Тариф обычный – двадцать пять центов... Сейчас можно прислать? Нет ли у тебя какой-нибудь трости? Ей понадобится... Сегодня вечером? Да, пожалуй. Охотно. Спасибо. – Он повесил трубку.

Она недоверчиво смотрела на него:

– Я правильно поняла: мистер Маллиган, человек, который стоит двести миллионов долларов, берет с вас двадцать пять центов за автомобиль?

– Именно так.

– Боже мой, неужели он не может дать его вам бесплатно?

Он некоторое время изучал ее лицо, как будто для того, чтобы дать ей возможность разглядеть ироническое выражение на своем собственном.

– Мисс Таггарт, – сказал он, – у нас в долине нет законов, нет установлений, нет четкой организации. Мы приезжаем сюда отдохнуть. Но у нас есть некоторые обычаи, которые мы все соблюдаем, поскольку они необходимы для нашего отдыха. Поэтому я должен предупредить вас, что в долине запрещено одно-единственное слово – слово «давать».

– Прошу прощения, – сказала она, – вы правы.

Он налил ей еще кофе и протянул пачку сигарет. Беря сигарету, она улыбнулась: на пачке стоял знак доллара.

– Если вы не устанете к вечеру, – сказал он, – Маллиган приглашает вас отужинать у него. У него соберутся люди, которых, полагаю, вам будет интересно увидеть.

– Да, конечно! Уверена, что не слишком устану. Думаю, я вообще забуду, что такое усталость.

Завтрак подходил к концу, когда перед домом остановился автомобиль Маллигана. Из него выскочил водитель и бегом, без стука и предупреждения, ворвался в дом. Дэгни не сразу поняла, что этим энергичным, растрепанным, запыхавшимся юношей был Квентин Дэниэльс.

– Мисс Таггарт, – выпалил он, – простите меня! – Интонация горькой вины, звучавшая в его голосе, плохо уживалась с радостным оживлением на лице. – Раньше я никогда не нарушал своего слова! Мне нет прощения, и я не прошу о нем; знаю, вы не поверите моему объяснению, но дело в том, что я... я забыл!

Она взглянула на Галта.

– Я верю вам.

– Я забыл, что обещал ждать, я обо всем забыл... до самых последних минут, когда мистер Маллиган сообщил мне, что вы разбились здесь на самолете... тогда я понял, что виноват в этом я и что если с вами что-нибудь случилось... Боже, с вами все в порядке?

– Да. Не волнуйтесь. Присядьте.

– Не представляю, как можно забыть слово чести. Не могу объяснить, что со мной приключилось.

– А мне понятно.

– Мисс Таггарт, я работал над этим долгие месяцы, над этой самой гипотезой, и чем больше я влезал в нее, тем безнадежней казалось получить результат. Я не выходил из лаборатории два дня, все пытался решить уравнение, которое мне никак не давалось. Но я бы скорее умер там же у доски, чем сдался. Когда он появился, была уже ночь. Я и не заметил его появления. Он сказал, что хочет поговорить со мной, но я отмахнулся, попросил подождать и вернулся к уравнению. Кажется, я забыл о его присутствии. Не знаю, как долго он стоял, наблюдая за мной, помню только, что внезапно надо мной возникла его рука, стерла все, что я написал на доске, и написала одно коротенькое уравнение. Тогда-то я заметил его! Тогда-то я закричал что есть мочи, потому что это не было решение задачи, связанной с двигателем, но это был путь к нему, путь, которого я не заметил, о котором даже не подозревал, но тотчас понял, куда он ведет! Помню, как я кричал: «Откуда вы знаете?» – а он отвечал, указывая на фотографию двигателя: «Я тот, кто его создал». И больше, мисс Таггарт, я ничего не помню... то есть не помню ничего о себе, потому что потом мы беседовали о статическом электричестве, о превращении энергии и о двигателе.

– Всю дорогу сюда мы говорили о физике, – вставил Галт.

– Да, я помню, вы спросили, поеду ли я с вами, – сказал Дэниэльс, – готов ли я бросить все и никогда не возвращаться обратно... Бросить все! Оставить дышащий на ладан институт, который скоро порастет бурьяном, бросить перспективу на всю жизнь остаться ночным сторожем, оставить Висли Мауча и указ десять двести восемьдесят девять и забыть о недочеловеках, которые ползают на брюхе и хрюкают о том, что разума не существует... Мисс

Таггарт, – он самозабвенно рассмеялся, – он спрашивал меня, готов ли я бросить все это, чтобы отправиться с ним. Ему пришлось повторить свое предложение, потому что я сначала ему не поверил. Я не мог поверить, что кому-то могут предложить такую вещь, что здесь вообще возможен какой-то выбор. Уехать с ним? Да я бы спрыгнул с небоскреба, чтобы последовать за ним... и успеть услышать, прежде чем разобьюсь о мостовую, предложенную им формулу!

– Я не виню вас, – сказала она, задумчиво, почти с завистью глядя на него. – Кроме того, вы выполнили условия нашего договора. Вы открыли мне тайну двигателя.

– Здесь я тоже буду ночным сторожем, – сказал Дэниэльс с довольной ухмылкой. – Мистер Маллиган сказал, что предложит мне должность ночного сторожа – на электростанции. А когда выучусь, поднимусь до электрика. Разве он не великолепен, наш мистер Маллиган? Я хочу быть таким, как он, когда доживу до его лет. Я хочу разбогатеть, стать миллионером. Стать таким же богатым, как он!

– Ах, Дэниэльс! – рассмеялась она, вспомнив молодого ученого таким, каким знала его раньше: его сдержанность, пунктуальность и строгость мысли. – Что с вами произошло? Где вы? Вы понимаете, что говорите?

– Я здесь, мисс Таггарт, а здесь все осуществимо. Я непременно стану лучшим электриком в мире и самым богатым. Я непременно...

– Ты непременно отправишься назад к Маллигану и будешь спать целые сутки, а не то я тебя и близко не подпущу к электростанции.

– Хорошо, сэр, – послушно сказал Дэниэльс.

* * *

Солнце, выглянувшее из-за края горной вершины, вычертило сверкающий круг по снегам и гранитным скалам, которые опоясали всю долину. Этот круг бросился им в глаза, как только они вышли из дому. Внезапно у Дэгни возникло ощущение, что за пределами этого круга ничего нет; к ней пришло радостное, горделивое ощущение конечности мира, ей показалось приятным сознание, что круг интересов и забот человека может быть замкнут полем его зрения. Ей хотелось распахнуть руки, как крылья, над крышами домов, чтобы коснуться пиков гор кончиками пальцев. Но она не могла даже поднять руки, одной она оперлась о трость, другой держалась за Галта. Медленно, осторожно, как ребенок, который учится ходить, переставляя ноги, она направилась к машине.

Она сидела рядом с Галтом, который вел машину, огибая город, к дому Маллигана. Дом стоял на гребне горы, самый большой в этих местах, единственный двухэтажный жилой дом, причудливое сочетание старинной крепости и виллы с мощными гранитными стенами и широкими открытыми террасами. Галт остановился, чтобы высадить Дэниэльса, и отправился дальше по извилистой дороге, медленно поднимавшейся в горы. Думая о богатстве Маллигана, о роскошном автомобиле, который вел, положив руки на руль, Галт, Дэгни невольно задумалась, а богат ли сам Галт. Она посмотрела на его одежду: серые брюки и белая рубашка явно предназначались для долгой носки, узкий кожаный ремень на поясе потрескался, часы на запястье безусловно были надежным, точным прибором, но сделаны из простой нержавеющей стали. Единственным, что наводило на мысль о богатстве, был цвет его волос – на ветру их пряди трепетали, как струи жидкого золота и меда.

Внезапно она увидела за поворотом дороги зеленые луга и, в отдалении, ферму. Там паслись стада овец, бродили лошади, виднелись просторные скотные дворы с загородками для свиней, а еще дальше стоял металлический ангар, весьма странно смотревшийся рядом. К ним спешил мужчина в яркой ковбойской рубахе. Галт остановил машину и помахал ему, но ничего не произнес в ответ на вопросительный взгляд Дэгни. Он дал ей возможность убедиться самой: мужчина приблизился, и она увидела, что это Дуайт Сандерс.

– Здравствуйте, мисс Таггарт, – сказал он улыбаясь. Она молча смотрела на его закатанные рукава, тяжелые сапоги, на стада скота.

– Так вот что осталось от фирмы «Сандерс эйркрафт», – произнесла она.

– Не только. Есть еще великолепный самолет, которым вы проутюжили горы.

– А, вам уже известно об этом. Да, это был один из ваших самолетов. Прекрасная машина.

Боюсь только, я изрядно ее повредила.

– Вам придется отремонтировать его.

– Думаю, у него распорото брюхо. Никто не сможет восстановить его.

– Я смогу.

Она много лет не слышала таких слов, такой уверенности в голосе и уже не надеялась услышать. Ее губы начали было складываться в улыбку, но завершила все горькая усмешка.

– Как и где? – спросила она. – На свиноферме?

– Ну почему же? На предприятии Сандерса – «Сандерс эйркрафт».

– Где оно находится?

– А как вы полагали? В том здании в Нью-Джерси, которое двоюродный брат Тинки Хэллоуэя купил у моих обанкротившихся преемников благодаря полученному у правительства кредиту и отсрочке уплаты налогов? В здании, где он построил шесть машин, которые так и не взлетели, и восемь поднявшихся в воздух и разбившихся – каждая с сорока пассажирами на борту?

– Но тогда где же?

– Повсюду, где нахожусь я сам. – Он показал через дорогу.

Сквозь макушки сосен Дэгни увидела на дне долины прямоугольные летные поля с бетонным покрытием.

– У нас здесь есть несколько самолетов, и моя обязанность – заботиться о них, – сказал он. – Я пасу свиней и обслуживаю аэродром. Я прекрасно делаю ветчину и бекон без помощи тех, у кого покупал их раньше. Эти люди, кстати, не могут производить самолеты без меня, без меня они не могут производить даже ветчину и бекон.

– Но вы... вы ведь тоже не сами проектировали самолеты.

– Не сам. Как не производил и двигатели, хотя когда-то обещал вам это. С тех пор как мы виделись в последний раз, я спроектировал и собрал только новый трактор. Один, собрал его вручную, в массовом производстве не было необходимости. Но этот трактор сокращает восьмичасовой рабочий день вдвое. – Жестом вытянутой руки, как королевским скипетром, он обвел долину. Дэгни последовала взглядом за его рукой и увидела вдали на склоне горы зеленые террасы висячих садов. – Сокращает вдвое, – продолжал он, – на птицеферме и молочной ферме судьи Наррагансетта, в садах Ричарда Хэйли. – Он медленно повел рукой, указывая на длинную золотисто-зеленую полосу у подножья горной гряды, а затем на ленту буйно-зеленого цвета – пшеничные и табачные поля Мидаса Маллигана, потом поднял руку вверх, к террасам в гранитных скалах, на уступах которых сверкала листва.

Дэгни снова и снова пробежала взглядом путь, прочерченный его рукой, и, немного помолчав, сказала:

– Да, я вижу.

– Теперь вы не сомневаетесь, что я смогу отремонтировать ваш самолет?

– Теперь нет. А вы его видели?

– Видел. Мидас вызвал сразу двух докторов – одного для вас, Хендрикса, а другого для вашего самолета – меня. Самолет можно привести в порядок. Но это обойдется не дешево.

– А именно?

– Двести долларов.

– Двести долларов? – не поверив, переспросила она; цена показалась ей слишком низкой.

– Золотом, мисс Таггарт.

– О!.. И где я могу купить золота?

– Это невозможно, – сказал Галт.

Она с вызовом повела головой в его сторону:

– Невозможно?

– Невозможно. Там, откуда вы прибыли. Ваши законы не позволяют этого.

– А ваши?

– Позволяют.

– Тогда продайте мне. Назовите обменный курс. Укажите любую сумму в моей валюте.

– В вашей валюте? Но у вас нет ни гроша, мисс Таггарт.

– Как? – Таких слов наследница Таггарта не ожидала когда-либо услышать.

– В этой долине вы человек без гроша. У вас миллионы в акциях «Таггарт трансконтинентал», но здесь на них не купишь и фунта бекона на свиноферме Сандерса.

– Понятно.

Галт улыбнулся и повернулся к Сандерсу:

– Приступай к ремонту. Рано или поздно мисс Таггарт заплатит тебе.

Он включил стартер, и они поехали дальше. Дэгни сидела прямо и неподвижно, ни о чем не спрашивая.

В разрыве скал блеснула яркой синевой волнистая гладь. Дорога кончилась. Еще мгновение, и Дэгни поняла: они выехали к озеру. Его воды, казалось, вобрали в себя и сгустили голубизну небес и зелень покрытых соснами горных склонов и смешали их в раствор такой яркости и чистоты, что небо словно потускнело и посерело по сравнению с ним. По склону, среди сосен, к озеру стремительно катился пенистый поток; он разбивался на бегу о выступы скал и затихал в мирной глади озера. У ручья стояло небольшое строение из гранитных валунов.

Галт остановил машину как раз в тот момент, когда из открытой двери вышел крепкий мужчина в комбинезоне. Дэгни узнала Дика Макнамару, бывшего когда-то ее лучшим подрядчиком.

– Добрый день, мисс Таггарт! – радостно приветствовал он ее. – Очень рад, что вы не сильно пострадали.

Она молча наклонила голову в знак приветствия. Этим жестом Дэгни как бы приветствовала былую утрату и боль того одинокого вечера, когда Эдди Виллерс с отчаянием на лице сообщил ей об исчезновении этого человека. Не сильно пострадала? – мысленно спросила она себя. Нет, очень сильно, но не в аварии, а в тот вечер, в пустом кабинете... Вслух же она сказала:

– Что вы здесь делаете? Ради чего вы бросили меня в самый трудный час?

Он улыбнулся в ответ, показав на каменное строение и вниз, туда, где, прикрытый кустарником, виднелся рукав водозаборника:

– Моя задача обеспечивать работу водопровода, подачу электроэнергии и телефонную связь.

– Все делаете один?

– Раньше один. Но за прошлый год мы так разрослись, что пришлось взять в помощь троих человек.

– Откуда вы берете людей?

– Ну, один – профессор экономики, оказавшийся не у дел, потому что пытался доказывать, что нельзя потреблять больше, чем производишь, другой – профессор истории, оставшийся без работы из-за того, что утверждал, что эту страну создали отнюдь не приверженцы трущоб, а

третий – профессор психологии, которому там не нашлось места, так как он убеждал, что люди способны мыслить.

– И они работают водопроводчиками и телефонистами?

– И вы не поверите, насколько хорошо.

– А кто занял их места в колледжах?

– Те, кого хотят там. – Он довольно рассмеялся. – Как давно я бросил вас, мисс Таггарт? Меньше трех лет назад? Я отказался построить для вас линию Джона Галта. И где ваша линия теперь? А вот мои линии появились и выросли: когда я взялся за дело, здесь была всего пара миль построенных Маллиганом линий, а теперь их сотни миль – водопровод, связь, и все в пределах этой долины.

Макнамара видел, как на лице Дэгни невольно вспыхнули интерес и удивление понимающего толк в таких вещах человека. Он расплылся в улыбке и, глядя на ее спутника, мягко сказал:

– Мисс Таггарт, что касается линии Джона Галта, то, если подумать, не я, а вы ее бросили. Я же следовал ей.

Она тоже взглянула на Галта. Галт следил за ее лицом, но на его лице она ничего не смогла прочесть.

Когда они отправились дальше вдоль берега озера, она спросила:

– Вы намеренно выбрали этот маршрут? Вы показываете мне людей, которых... – Она запнулась, испытывая необъяснимое нежелание договаривать, потом сказала: – Которых я потеряла?

– Я показываю вам людей, которых увел у вас, – твердо ответил он.

Вот почему, подумала она, он не чувствует себя ни чем виноватым; он угадал и высказал слова, которых она не произнесла, щадя его; он отверг добрые побуждения, которые расходились с его убеждениями, и, будучи твердо уверен в своей правоте, гордо высказал то, что она собиралась выдвинуть обвинением против него.

Вскоре они увидели впереди выдвинутый в озеро деревянный пирс. На залитых солнцем досках лежала, вытянувшись во весь рост и следя за целой батареей удочек, молодая женщина. Она обернулась на шум мотора, быстрым, быть может, даже слишком стремительным рывком поднялась с деревянного настила и помчалась им навстречу. На ней были брюки, закатанные выше колен на голых ногах. У нее были темные растрепанные волосы и большие глаза. Галт помахал ей рукой.

– Привет, Джон! Когда ты вернулся?

– Сегодня утром, – улыбаясь, ответил он и проехал мимо.

Дэгни обернулась и заметила взгляд, которым молодая женщина смотрела вслед Галту. И хотя в этом обожающем взгляде был спокойный отказ от надежды, Дэгни испытала неведомое ей доселе чувство – укол ревности.

– Это кто? – спросила она.

– Наш лучший рыбак. Она обеспечивает рыбой продовольственный рынок Хэммонда.

– А чем еще она занимается?

– Так вы заметили, что все мы здесь что-то совмещаем? Она писательница. Из тех, кого там не печатают. Она убеждена, что слова – порождение мысли.

Машина свернула на узкую дорогу, круто поднимавшуюся вверх, в заросли кустарника и молодых сосен. Дэгни поняла, что ее ожидает, когда увидела прибитую к дереву табличку со стрелкой, указывающую путь к перевалу Буэна-Эсперанца.

На скалистом ложе перевала лежали трубопроводы, стояли насосы, все было, как лозой, оплетено металлическими конструкциями и уверенно карабкалось вверх или спускалось вниз, а

на самой вершине перевала гордо красовался щит, громадными буквами оповещающий окрестные папоротники и сосновые заросли: «Вайет ойл».

Из отверстия трубы в огромный резервуар под горой сверкающей маслянистой струей стекала нефть – единственное свидетельство тайного напряжения внутри каменных недр, конечная цель всего этого сложного оборудования. Все это, однако, мало походило на привычную картину нефтяных разработок, и Дэгни поняла, что перед ней – явленная миру – тайна перевала Буэна-Эсперанца, поняла, что нефть здесь добывалась способом, который считался невозможным.

На гребне горы стоял Эллис Вайет и следил за циферблатом вмонтированного в скалу манометра. Заметив, что внизу остановилась машина, он крикнул:

– Привет, Дэгни! Спустишь к вам через минуту! Вместе с ним трудились еще двое: у насоса на полпути вверх работал плотный, грубоватый на вид мужчина, а у емкости внизу дежурил юноша. У юноши были светлые волосы и лицо, отличающееся необычайной чистотой линий. Дэгни не сомневалась, что уже видела это лицо, но никак не могла припомнить где. Юноша заметил, что она озадачена, улыбнулся и, видимо желая ей помочь, начал тихонько, почти неразличимо насвистывать первые такты Пятого концерта Хэйли. Это был молодой кондуктор с «Кометы».

Она рассмеялась:

– И все же это Пятый концерт Ричарда Хэйли, да?

– Точно, – ответил он. – Но вы ведь не думаете, что я мог сказать это штрейкбрехеру?

– Кому?

– Я тебе за что плачу? – сказал, приблизившись, Эллис Вайет.

Юноша цокнул языком и бросился назад к рычагу, который на минуту оставил.

– Я не мисс Таггарт, которая не могла бы тебя вышвырнуть за безделье.

– Я ушел с железной дороги и поэтому тоже, мисс Таггарт, – сказал юноша.

– Ты знала, что я увел его у тебя? – спросил Вайет. – Он был твоим лучшим кондуктором, а теперь он мой лучший вахтенный, но ни тебе, ни мне не удержать его у себя навсегда. Он первый ученик Хэйли.

Она улыбнулась:

– Знаю, у вас здесь принято использовать на самой никчемной работе только аристократов.

– Верно, все они аристократы, – сказал Вайет, – потому что знают: нет никчемной работы, а есть никчемные люди, которых не устроит никакая работа.

Сверху на них, прислушиваясь к разговору, с любопытством смотрел крепьш – напарник юноши. Она всмотрелась в него, он выглядел как водитель грузовика, поэтому она спросила:

– А вы кем были там? Наверно, профессором сравнительной филологии?

– Куда мне! – ответил он. – Я был водителем. – И добавил: – Но это было мне не по душе.

Эллис Вайет поглядывал вокруг с видом горделивого юнца, ожидающего похвалы, важностью хозяина, дающего официальный прием, и напряженным ожиданием художника на открытии своей выставки. Дэгни улыбнулась и спросила, указывая на оборудование:

– Собственный метод?

– М-да.

– Тот, над которым ты работал там, на земле? – Последнее слово слетело у нее с языка непроизвольно, и она поперхнулась.

Он рассмеялся:

– Да, там, в аду. На земле я здесь.

– Сколько добываете?

– Двести баррелей в день.

В ее голос вкралась нотка сожаления:

– Это тот метод, с помощью которого ты когда-то рассчитывал загружать пять нефтяных составов в сутки.

– Дэгни, – с жаром произнес он, указывая на цистерну, – один галлон здесь мне дороже целого состава там, в аду, потому что здесь он мой весь, до последней капли, он целиком принадлежит мне. – Вайет поднял перепачканную руку, горделиво продемонстрировав жирные нефтяные пятна. Черная капля на кончике его пальца сверкала на солнце, как жемчужина. – Все мое, – сказал он. – Неужели они выколотили из тебя смысл этого слова, его ощущение? Тебе надо заново выучить это слово.

– Ты зарылся в глуши, – слабо возразила она, – и выдаешь всего две сотни баррелей в день, а ведь мог бы затопить нефтью весь мир.

– Зачем? Чтобы кормить паразитов?

– Нет! Чтобы заработать состояние, которого ты заслуживаешь.

– Здесь я богаче, чем был в аду. Богатство нужно лишь для того, чтобы прирастала жизнь. А этого можно добиться двумя путями: производя либо больше, либо быстрее. Это-то я и делаю: я производжу время.

– То есть?

– Я производжу все, в чем нуждаюсь, работаю над совершенствованием своих технологий, и каждый сэкономленный час продлевает мою жизнь. Раньше, чтобы заполнить эту емкость, требовалось пять часов. Теперь – три. Я сберег для себя два часа, и мне нет цены, я словно отодвинул свой смертный час на два из каждых пяти отведенных мне часов. Два часа, свободные от одного дела, можно посвятить другому – два часа для работы, роста, движения вперед. Так я увеличиваю свои сбережения. Есть ли там, вовне, сейф, способный уберечь эти сбережения?

– Но где здесь пространство для продвижения вперед? Где твой рынок?

Он усмехнулся:

– Рынок? Здесь я работаю для потребления, не для прибыли. Для моего потребления, не для прибыли бандитов. Мой рынок – только то, что сберегает мое время и удлиняет жизнь, а не то, что их пожирает. Рынок образуют те, кто производит, а не те, кто потребляет. Я работаю с носителями жизни, а не с людоедами. Если я добываю нефть с меньшими затратами, я меньше требую за нее с людей, которым ее продаю, чтобы получить от них то, в чем нуждаюсь. Я увеличиваю время их жизни с каждым галлоном нефти, который они сжигают. А поскольку они подобны мне, они ускоряют свое производство, таким образом каждый из них вместе с хлебом, одеждой, металлом, древесиной, которые я у них покупаю, дарит минуту, час, день жизни... – Тут он взглянул на Галта. – Лишний год прибавляется с каждым месяцем покупаемой мною электроэнергии. Вот каков наш рынок, вот как он работает на нас, но вовне дело обстоит иначе. В какую канализацию там спускали наши дни, жизни, энергию? В какую бездонную выгребную яму – и без всякой компенсации?! Здесь мы торгуем достижениями, а не неудачами, ценностями, а не потребностями. Мы свободны друг от друга, но растем вместе друг с другом. Что такое богатство, Дэгни? Что может быть дороже возможности распоряжаться собственной жизнью и тратить ее на развитие? Все живое должно расти и развиваться. Жизнь не может остановиться. Живое должно расти, иначе оно погибнет. Смотри! – Он указал на росток, с трудом выбирающийся из-под тяжелой каменной глыбы, длинный истерзанный стебелек, весь перекрученный от непосильной борьбы, с повисшими лохмотьями несформировавшихся листьев, всего лишь зеленоватый побег, рвущийся к солнцу в последнем, отчаянном, слабеющем усилии. – Вот что делают с нами там, в аду. По-твоему, я могу с этим смириться?

– Нет, – прошептала она.

– А он может? – Вайет указал на Галта.

– Упаси Бог!

– Тогда не удивляйся ничему, что увидишь в этой долине.

Она молчала, когда они тронулись в путь. Галт тоже ничего не сказал.

Она увидела, как на покрытом густым лесом склоне отдаленной горы покачнулась сосна и, описав дугу, подобно часовой стрелке, рухнула наземь, пропав из виду. Было ясно, что это дело рук человека.

– Кто этот лесоруб?

– Тед Нильсен.

Дорога ширилась, мягко закругляясь на поворотах, подъемы становились более пологими. Машина оказалась среди низких холмов. Дэгни увидела на одном из мягких бурых склонов два участка, оба зеленые, но разного оттенка – темно-зеленое запыленное картофельное поле и бледно-серебристо-зеленое капустное. По полям разъезжал на маленьком тракторе с культиватором, уничтожая сорняки, человек в красной рубашке.

– Кто этот капустный магнат? – спросила она.

– Роджер Марш.

Дэгни закрыла глаза. Она думала о траве, пробивавшейся сквозь камни дорожек, ведущих к закрытой фабрике. Сорняки забивали все подступы к зданию, карабкались вверх по ступенькам, взбирались по внушительному фасаду – там, далеко, в сотнях миль отсюда, за горами.

Дорога спускалась вниз. Прямо перед ними виднелись городские крыши, на другом конце города небольшим пятачком блестел в солнечных лучах знак доллара. Галт остановил машину перед первым строением, стоявшим высоко над крышами города на скальном уступе, – кирпичным зданием, из высокой трубы которого поднималось к небу едва заметное красноватое марево. Вывеска у входа, хотя она напрашивалась сама собой, все же сразила Дэгни – «Литейный цех Стоктона».

Пока, прихрамывая и опираясь на трость, она шла из яркого дневного света в полумрак литейки, ее охватило смешанное чувство потрясения, тоски по дому и возврата прошлого. Это был промышленный Восток, который за последние несколько часов, казалось, отступил в далекое прошлое. Здесь она увидела старые, знакомые, такие милые ее взору картины: волны красноватого света взмывали вверх, к стальным балкам перекрытий, откуда рассыпались снопы искр, сквозь черный туман прорывались языки пламени, сверкали белым металлом песчаные изложницы. Туман окутывал стены здания, растворял его в пространстве, и на миг перед Дэгни предстал огромный мертвый литейный цех в Стоктоне, штат Колорадо... «Нильсен моторс»... «Реардэн стил».

– Привет, Дэгни! – Из тумана выплыло улыбающееся лицо Эндрю Стоктона; он с гордым, уверенным видом про тянул ей перепачканную руку.

Она крепко пожала ее.

– Здравствуй, – тихо сказала она, не зная, что приветствует: то ли прошлое, то ли будущее. Потом недоуменно покачала головой и добавила: – А почему ты не сажаешь картошку или не тачаешь сапоги, как все тут? Как тебе удалось остаться при своем деле?

– Верно, здесь производит обувь Кальвин Этвуд из Энергосетей города Нью-Йорка. Но моя профессия – одна из старейших, на нее повсюду спрос. И все же пришлось побороться. Сначала пришлось разорить конкурента.

– Что?

Он ухмыльнулся и указал на застекленную дверь, ведущую в залитую солнцем комнату.

– Там сидит разорившийся конкурент, – сказал он. Она увидела молодого мужчину, склонившегося над длинным столом. Он работал над сложной моделью для отливки наконечника дрели. У него были красивые, крепкие, как у концертирующего пианиста, кисти

рук и суровое лицо сосредоточившегося на операции хирурга.

– Он скульптор, – сказал Стоктон. – Когда я здесь появился, у него с партнером было что-то вроде простейшей литейки в сочетании с ремонтной мастерской. Я открыл настоящий литейный цех и перебил у него всех заказчиков. Парню были не по зубам заказы, которые выполнял я, да и вообще, литьем он занимался постольку поскольку, главным для него все равно оставалась скульптура, вот он и перешел работать ко мне. Теперь за более короткий рабочий день он получает больше, чем зарабатывал в своей литейке. Его партнером был химик, он занялся сельским хозяйством, получил химическое удобрение, которое удвоило урожай... Ты, кажется, упоминала о картофеле?.. Так урожай картофеля выросли даже больше чем в два раза.

– Тогда и тебя могут вытеснить из бизнеса?

– Конечно. В любой момент. Я знаю одного, который, когда сюда попадет, и сможет, и захочет это сделать. Ну и что? Да я пойду к нему подсобником. Он по этой долине метеором промчится. С ним все утроят производительность .

– Кто же это?

– Хэнк Реардэн.

– Да, конечно... – прошептала она.

И удивилась, откуда у нее такая уверенность. Она в один и тот же миг почувствовала, что присутствие Хэнка Реардэна в этой долине невозможно и что это его долина, именно его, здесь он провел юность, здесь начинал, и вообще он искал это место всю жизнь, это была земля обетованная, к которой он стремился, цель его мучительной борьбы... Ей показалось вдруг, что завихрения вспыхивающего пламенем тумана сковали время в странный круг, и в ту минуту, когда в ее сознании, как обрывок незаконченного рассуждения, промелькнула смутная мысль: «Удержать вечную молодость значит достигнуть в конце пути того видения, с которым отправляешься в путь», – она услышала голос бродяги в кафе, сказавший: «Джон Галт нашел источник вечной молодости, который хотел подарить людям. Но он так и не вернулся к ним, потому что обнаружил, что этот источник нельзя перенести к людям».

В гуще тумана рассыпался сноп искр, и Дэгни увидела широкую спину горнового, который плавным движением руки подавал сигнал кому-то невидимому. Он энергично мотнул головой, чтобы подчеркнуть свое распоряжение, ей открылся его профиль, и у нее перехватило дух. Стоктон заметил это, усмехнулся и крикнул в полумрак:

– Эй, Кен! Иди сюда! Здесь твои старые друзья!

Она увидела, как к ним подходит Кен Денеггер. Знаменитый промышленник, которого она так отчаянно пыталась удержать в его кабинете, стоял перед ней в измазанном комбинезоне.

– Здравствуйте, мисс Таггарт. Говорил я вам, что мы скоро встретимся.

Она кивнула, будто в знак согласия и приветствия, и крепче оперлась на трость, на миг погрузившись в нахлынувшие воспоминания: час мучительного ожидания, приветливо-отрешенный взгляд человека за столом и легкий перезвон стекла в створках захлопнувшейся за незнакомцем двери.

Этот миг был так краток, что двое мужчин, стоявших рядом с ней, конечно, приняли его за приветствие, но она, подняв голову, взглянула на Галта и увидела, что он тоже смотрит на нее, понимая ее переживания. Дэгни видела, что по выражению ее лица он понял: она догадалась – незнакомцем, который вышел в тот день из кабинета Денеггера, был он, Джон Галт. Но его лицо никак не откликнулось: он смотрел с выражением уважительной строгости, которое появляется у человека, стоящего перед неопровержимой истиной.

– Вот уж никак не ожидала, – тихо произнесла она, – снова увидеть вас.

Денеггер смотрел на нее как на многообещающего ребенка, которого когда-то открыл и которым теперь снисходительно любовался.

– Я знаю, – сказал он. – Но что вас так удивляет?

– Меня удивляет... Ваша одежда, она просто ужасна.

– Что же в ней ужасного?

– Это что же, конец вашей карьеры?

– Да нет же, наоборот – начало!

– К чему же вы стремитесь?

– Хочу заняться горным делом, добычей – но не угля, а железной руды.

– Где?

Он показал на горы:

– Тут поблизости. Вы же знаете, что Мидас Маллиган не делает неудачных капиталовложений. Просто диво, что можно найти среди этих скал. Надо только уметь искать. Этим я сейчас и занят – ищу.

– А если не найдете никакой железной руды? Он пожал плечами:

– Есть и другие занятия. Мне всегда не хватало времени, вернее, не было того, на что стоило потратить время.

Она с любопытством взглянула на Стоктона:

– Не готовишь ли ты себе очень опасного конкурента?

– Именно таких людей и предпочитаю нанимать на работу. Дэгни, не слишком ли долго ты жила среди паразитов? Неужели ты пришла к убеждению, что способности одного человека – угроза другому?

– Совсем нет! Но я уже начала думать, что расхожусь во мнениях со всем миром.

– Всякий, кто боится нанять на работу лучшего специалиста, ничего не стоит в деле, которым занимается, и должен бросить его. По-моему, предприниматель, отвергающий специалистов за то, что они слишком хороши, омерзительнее всех на свете. Я всегда держался этого мнения. Эй, что тут смешного?

Дэгни внимательно слушала, недоверчиво улыбаясь.

– Странно это слышать, – сказала она, – потому что так оно и есть.

– А как можно думать иначе?

Она усмехнулась:

– Знаешь, я еще ребенком считала, что бизнесмены не могут думать иначе.

– А потом?

– А потом обнаружила, что заблуждаюсь.

– И все же надо относиться к делу именно так.

– Опыт научил меня, что так не бывает.

– Но ведь это очевидно.

– Я перестала руководствоваться очевидным.

– Вот уж от этого никак нельзя отказываться, – вставил Кен Денеггер.

Они вернулись к машине и поехали дальше вниз по последним виткам дороги. Дэгни обернулась к Галту, а он к ней, будто уже ждал ее вопроса.

– Так это вы были в тот день в кабинете Денеггера? – спросила она.

– Да.

– И вы знали, что я дожидаюсь в приемной?

– Да.

– Вы понимали, что значило для меня ожидание перед закрытой дверью?

Она не могла определить, каким взглядом он посмотрел на нее. Что было в нем? Не жалость, вряд ли она была объектом жалости. Так смотрят на страдания, но видел он, казалось, совсем не ее страдание.

– О да, – спокойно, даже легко ответил он.

Первый магазин, который попался им на единственной улице долины, напоминал театральную сцену, обращенную к зрителю. Казалось, все готово к постановке музыкальной комедии с броскими декорациями – красными кубами, зелеными шарами, золотистыми конусами. На самом деле это были коробки с помидорами, бочки с зеленью, пирамиды из апельсинов и полки с блестящими на солнце металлическими банками. Надпись на полотняном козырьке у входа гласила: «Продовольственный рынок Хэммонда». Внушительного вида джентльмен в рубашке с короткими рукавами, с седыми висками и строгим профилем взвешивал сливочное масло для миловидной молодой женщины, стоявшей у прилавка в легкой, воздушной позе танцовщицы. Подол ее простого платья слегка раздувал ветер, отчего оно походило на бальный наряд. Дэгни невольно улыбнулась, хотя джентльменом был сам Лоуренс Хэммонд.

Магазины помещались в небольших одноэтажных домах. Проезжая мимо, Дэгни читала на вывесках знакомые имена, словно заголовки на страницах книги, которую машина перелистывала на ходу: «Универмаг Маллигана», «Кожаные изделия Этвуда», «Строительные материалы Нильсена», а за ними – знак доллара над входом в небольшой кирпичный заводик с вывеской «Табачная компания Маллигана».

– И кто же еще в компании кроме Мидаса Маллигана? – поинтересовалась она.

– Доктор Экстон, – ответил Галт.

Прохожих было немного, в основном мужчины, все шли быстро и целеустремленно, по-видимому, по делу. Один за другим они останавливались, завидя машину, махали Галту и, узнав Дэгни, смотрели на нее с интересом, но без удивления.

– Меня тоже здесь давно ждали? – спросила она.

– И сейчас ждут, – ответил он.

На обочине дороги она увидела сооружение из стеклянных панелей, соединенных деревянной рамой, на миг ей показалось, что это лишь рама для портрета женщины – высокой, хрупкой женщины со светло-русыми волосами и лицом такой красоты, что расстояние, казалось, скрадывало ее, словно художник смог лишь намекнуть на эту дивную красоту, но не сумел зримо воплотить ее. Через минуту женщина повела головой, и Дэгни поняла, что внутри сооружения сидят за столиками люди, что это кафетерий, а женщина стоит за стойкой, – и это Кей Ладлоу, кинозвезда, которую, раз увидев, невозможно было забыть, звезда, которая покинула экран и исчезла пять лет назад, а на смену ей пришли девицы с неразличимыми именами и взаимозаменяемыми лицами. Узнав актрису и поразившись, Дэгни подумала о нынешней кинопродукции и решила, что этот кафетерий значительно более достойное место для красоты Кей Ладлоу, чем роль в фильме, восхваляющем посредственность за отсутствие блеска.

Следующим показалось небольшое приземистое здание из неотесанного гранита, крепкого, солидного, плотно пригнанного, – очертания прямоугольного корпуса были суровы и четки, как складки вицмундира. Однако перед Дэгни сразу возник, как выплывающее из волн чикагского тумана видение, образ взметнувшегося вверх небоскреба, на фронте которого она видела те же, что и здесь, золотые буквы – «Банк Маллигана».

Проезжая мимо банка, Галт сбросил скорость, словно выделив курсивом этот отрезок пути.

Далее следовало небольшое кирпичное строение с вывеской «Монетный двор Маллигана».

– Монетный двор? – удивилась она. – Зачем он Маллигану?

Галт вытащил из кармана и положил ей на ладонь две маленькие монетки. Это были миниатюрные блестящие кружки золота размером меньше цента, вроде тех, что были в обращении во времена Нэта Таггарта. На одной стороне было изображение головы Статуи Свободы и слова «Соединенные Штаты Америки – один доллар», на другой – цифры, обозначающие два последних года.

– Это наши деньги, – сказал он. – Их чеканит Мидас Маллиган.

– Но с чьего разрешения?

– Это указано на монете, на обеих сторонах.

– А как с разменной монетой?

– Маллиган чеканит и ее – серебром. Другая валюта в долине не в ходу. Мы признаем только объективные ценности.

Она рассматривала монеты:

– Похоже, так было при моих предках.

Он показал на долину:

– А так и есть, верно?

Она все смотрела на два тоненьких, почти невесомых золотых кружочка, лежащих на ее ладони, и понимала, что от них зависит судьба трансконтинентальной дороги Таггарта, что это замковый камень, на котором держится вся система арок, вся структура Таггартовых путей, мостов, сооружений... Она тряхнула головой и вернула Галту монетки.

– Вы никак не облегчаете мою задачу, – глухо сказала она.

– Я всячески осложняю ее.

– Почему бы вам не выложить все? Почему не сказать мне, что я должна усвоить?

Он показал рукой на город, на дорогу позади.

– А что я делаю? – спросил он.

Дальше они ехали молча. Спустя некоторое время она сухим, ироничным тоном задала вопрос из области статистики:

– И какое же состояние нажил у вас Мидас Маллиган? Он показал вперед:

– Судите сами.

Дорога извивалась по всхолмленной долине, приближаясь к жилым строениям. Дома не выстраивались в линию, а рассыпались на неравном расстоянии друг от друга по возвышениям и впадинам, они были просты и невелики, возведены из местных материалов, в основном из гранита и сосны, но свидетельствовали о большой изобретательности и экономии сил. Казалось, каждый возводился трудом одного человека; ни один дом не походил на другой; единственным, что их сближало, было общее впечатление: их строили, уяснив замысел и затем реализовав его. Время от времени Галт показывал то на один дом, то на другой, выбирая известные ей имена. Это звучало как выдержки из перечня самой влиятельной биржи мира или как наградной список:

– Кен Денеггер... Тед Нильсен... Лоуренс Хэммонд... Роджер Марш... Эллис Вайет... Оуэн Келлог... доктор Экстон.

Последним показалось жилище доктора Экстона – небольшой коттедж с просторной террасой на гребне, за которым вздымались крутые склоны гор. Дорога миновала его и серпантинном устремила вверх. Проезжая часть сузилась до тропы, зажатой между древними соснами с высокими прямыми стволами, строгими колоннами устремившимися в небо; их ветви сходились в вышине, погружая тропу в сумеречную тишину. На этой узкой полоске земли не было следов колес, ее забыли, ею не пользовались; всего несколько минут, несколько поворотов дороги – и ты оказываешься далеко от обитаемых мест, где уже ничто не снимало гнета тишины, кроме редких прорывов потока солнечных лучей, находивших время от времени лазейку в высоком навесе ветвей.

Вид дома, внезапно возникшего в конце тропы, подействовал на Дэгни, как внезапный удар гонга; дом стоял в полном одиночестве, укрывшись от людей; он выглядел как тайное убежище, приют большой печали и вызов обществу. Это был самый скромный дом в долине, бревенчатая хижина, стены которой почернели от дождей, и лишь большие окна безмятежно пропускали

через себя потоки света, выдерживая все бури.

– Чей это дом?.. Ох!.. – Она спохватилась и отвернулась от Галта. Над входом, высвеченный солнечным лучом, висел серебряный герб Себастьяна Д'Анкония – выцветший от времени, поблекший, потрепанный ветрами столетий.

Как бы идя навстречу ее невольному побуждению, которое обнаружило себя в восклицании, Галт остановил машину перед домом. На минуту их взгляды встретились и замерли, в ее глазах был вопрос, в его – требование, ее лицо было вызывающе искренним, его – замкнуто суровым; ей была понятна его цель, но не мотивы. Она подчинилась. Опираясь на трость, она вышла из машины и, выпрямившись, остановилась перед домом.

Она смотрела на серебряное перекрестие герба, который из мраморного дворца в Испании попал в Анды, а оттуда – в бревенчатую хижину в Колорадо, – герба непокоренных людей. Дверь хижины оказалась запертой; солнце не проникало в затененное пространство за стеклами окон; сосны простирали ветви над крышей, как руки, охраняющие, лелеющие и благословляющие жилище. Не было ни звука, лишь редкий, с долгими промежутками стук капли где-то в лесу и шелест сорвавшейся ветки; тишина сковала всю укрывшуюся здесь боль, не давая ей голоса. Дэгни стояла и слушала, нежно, покорно, не жалуясь. «Посмотрим, кто окажет большую честь: ты – Нэту Таггарту или я – Себастьяну Д'Анкония...». «Дэгни! Помоги мне остаться. Отказаться. Даже если он и прав!..»

Она обернулась взглянуть на Галта, зная, что он – тот человек, в борьбе против которого она оказалась не способна прийти на помощь. Галт сидел за рулем, он не вышел вслед за ней, не вызвался помочь ей, как будто хотел, чтобы она смирилась с прошлым, признавая за ней право побыть одной, воздавая эту почесть. Она заметила, что он продолжает сидеть в той же скульптурной позе, опершись рукой на руль, свесив кисть руки под тем же углом. Он следил за ней взглядом, но она ничего не смогла прочесть в его глазах: он пристально, не двигаясь, смотрел на нее.

Когда она снова села рядом, он сказал:

– Он первый человек, которого я увел у вас. Нахмурившись, она открыто и требовательно спросила:

– Что вам об этом известно?

– С его слов ничего. Только судя по тону его голоса, когда он заговаривал о вас.

Она опустила голову, уловив в его ответе, в едва заметном усилии сохранить ровную интонацию намек на душевную боль.

Он включил стартер, шум мотора взорвал то, что они поведали друг другу, не сказав ни слова, и они двинулись дальше.

Тропа расширилась, нацелясь на зону солнечного света впереди. Дэгни заметила среди ветвей сверканье проводов.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)